

Александр Есентаев

Глаза Младенца

16+

Александр Есентаев

Глаза Младенца

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Есентаев А.

Глаза Младенца / А. Есентаев — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Жанр - фантастика, философия. Какое бы будущее человечество не ждало, все зависит от самих людей; их способности любить, созидать и творить, их чистого бессмертного разума.

Александр Есентаев

Глаза Младенца

Наш десантный лёгкий корабль нёс патрульное дежурство в одном из секторов планеты Марс, когда на мониторе загорелась точка неопознанного космического объекта и через пять секунд исчезла. Пилот предложил, что это просто метеор. Но лейтенант дал приказ ускориться и направить корабль в сторону объекта для уточнения. Когда военный корабль приблизился на расстояние сканирования к космическому объекту, то он оказался небольшим транспортом.

– Манго-5, какой у транспорта идентификационный номер и кому принадлежит? – спросил лейтенант бортмеханика.

– Не могу идентифицировать, и на запрос не отвечает.

– Повстанцы, – улыбнулся лейтенант, предвкушая удовольствие от военных действий. – Всем полная боевая готовность. Манго-5, передайте транспорту, что если он не снизит скорость и не сообщит свою принадлежность и пункт назначения, то будет атакован.

Но космический транспорт ещё раз попытался совершить резкий манёвр с разгоном, чтобы уйти от преследования. Но от ракетно-десантного корабля с опытным пилотом уйти невозможно.

– Манго-8, приготовиться к атаке электромагнитным импульсом, а потом двумя осколочными ракетами в кабину управления корабля, – приказал лейтенант, – только смотри, не зацепи двигатель и топливные резервуары.

Прошла минута, но транспорт молчал и продолжал ускоряться.

– Манго-8, залп, – радостно приказал атаковать лейтенант. Электромагнитный импульс и ракеты сделали своё дело. Транспорт полностью стал неуправляем и летел вперёд по инерции.

– Подведи корабль поближе к транспорту и следуй параллельным курсом, – приказал лейтенант пилоту. – Выждем пять минут, а потом начнём десантную атаку. Манго-6 и Манго-9 пойдут со мной и сержантом.

Сержант приказал мне и другому выбранному лейтенантом десантнику проверить оружие и надеть шлем. Я проверил настройки лазерного автомата, батарея была заряжена, уровень разряда на импульс стоял на максимуме. У десантников было негласное правило не экономить на батареях. Лучше потратить время на замену после десяти импульсов, но более результативных, чем через сорок, но малополезных. Мощность импульса и время для аккумуляции следующего я установил в пропорции 2 к 0,5. Я считал, как и многие десантники, что один прицельный мощный импульс эффективнее, чем пара неприцельных и менее мощных за то же время. Затем я надел шлем. Мой друг, Том, как всегда помог мне. Когда всё было готово, он стукнул меня по плечу и сказал, – удачи, Лексис. – Я молча кивнул головой. У нас с Томом было так заведено, и не важно кто из нас шёл на задание.

Десант прошёл шлюзовую камеру и проник в транспортный корабль, сопротивление никто не оказывал. Лейтенант и сержант стали продвигаться к кабине управления, а нам приказали исследовать другие отсеки. Система безопасности транспортного корабля после ракетной атаки была повреждена и не обеспечивала полноценно необходимые жизненные условия, температура и давление внутри корпуса были низкими. Два пассажирских отсека, которые мы быстро осмотрели, были пусты. Я открыл дверь в третий и быстро заскочил внутрь, противодействуя напору воздуха, давление в отсеке было повыше, чем в коридоре. Моментально оценив обстановку, я произнёс напарнику, – чисто.

– Видимо никого нет в живых, пойдём в грузовой отсек, – сказал мне напарник, проследовав дальше по коридору. Я хотел последовать за ним, как вдруг услышал непонятный слабый звук. Первое, что я хотел сделать – это сообщить напарнику, что, похоже, есть кто-то живой, но непонятный звук повторился. То ли жалостливый всхлип, то ли смертельный вздох. И я, не

знаю почему, нарушив все инструкции, не стал ждать прикрытия, прошёл за невысокий стеллаж, который заслонял собой некоторое пространство, и внимательно посмотрел вниз. На полу отсека лежала женщина и прижимала к себе прикрытый шалью свёрток. И этот свёрток вдруг чуточку шевельнулся, и снова я услышал странный звук. Моё сердце сжалось, и глубокое чувство тоски охватило меня. Я понял, что женщина прижимала к себе младенца. Умиравшего младенца. Машинально я взглянул на показания температуры и давление на датчике у себя на рукаве космического комбинезона. Температура в отсеке была минус пятьдесят и резко понижалась, воздух тоже был сильно разрежённым. Открыв дверь, я ещё сильнее нарушил герметизацию отсека. Я нагнулся и убрал шаль с верхней части младенца.

Ужасная картина открылась передо мной. Лицо трёх-четырёх месячного младенца было всё синее. Ручки судорожно изредка дёргались, а ротик, пытаясь схватить воздух, издавал иногда последний смертельный всхлип-вздых. У него уже не было никаких сил не то, что плакать, а просто жить. Я сразу понял, что спасти ребёнка невозможно. Неожиданно младенец немного развернул тело и голову. Его глаза раскрылись и посмотрели на меня. Это был невероятный взгляд. Глубокий, проникновенный, немыслимо разумный взгляд. Четыре секунды на меня смотрел младенец глазами бесконечного страдания и скорби, великого понимания и мудрости. А потом свет и чистота померкли – он умер.

А я всё смотрел на маленького ребёнка. Потом, словно очнувшись, посмотрел на женщину. Она была мертва. Уже несколько минут назад. Ранение в спину. Лицо её было покрыто льдом. Она плакала, когда умирала. Она заползла раненая в этот относительно герметичный отсек, и закрыла дверь, чтобы спасти своё дитя. Прижимала его к себе, чтобы согреть последним своим теплом. Слышала его плач, её блузка тоже заledenела от слёз ребёнка, и плакала сама. Ей было очень больно умирать, но не от ран, а оттого, что умирал её ребёнок, а она не могла ничего сделать. Она знала, что у неё особенный ребёнок, и от этого было ещё больнее. Страшная смерть, и в ней повинен я.

Я прикрыл младенца шалью. Послышались шаги. Я быстро вышел и закрыл дверь отсека. Тут же передо мной появился напарник, – всё чисто? – вопросительно посмотрел он на меня, не понимая, почему я не последовал сразу за ним.

– Да, – ответил я.

– В грузовом блоке тоже людей нет, пойдём к лейтенанту.

Кабина управления, где оказалось большинство людей, была полностью разгерметизирована и разрушена. Проникнув в неё, мы окончательно убедились, что экипаж и все пассажиры были мертвы. Собрав оставшиеся документы в кабине управления и капитанском отсеке, лейтенант и сержант пошли изучать груз, а нам приказали поискать документы и ценные вещи по другим отсекам. Я специально поделил места поиска с напарником так, чтобы тот ужасный отсек выпал мне. Никто больше не должен нарушить покой великой любви и скорби, в том числе и я. Поразительно, глаза Младенца продолжали смотреть на меня сквозь реальность. И вообще, я был сам не свой, словно взгляд ребёнка убил жизнь во мне, оставив только боль, мучение... и может быть маленькую надежду на возрождение.

Быстро выполнив задание (я просто сделал вид, погружённый полностью в свои парализованные страданиями чувства), мы вернулись в грузовой отсек. Лицо лейтенанта и сержанта было радостным, как будто они нашли какой-то клад. Лейтенант приказал нам по внешней связи, внутреннюю он и сержант отключили, взять по ящику и отнести в наружный грузовой отсек нашего корабля и затем вернуться назад к нему. Первым взял ящик напарник, а я следом за ним. Я не спешил, озадаченный всем происходящим. Несколько минут назад лейтенант убил людей, и нет никакого сожаления, а сейчас нашёл какие-то ящики, наверное, с чем-то ценным и испытывает большую радость. Я в какой-то апатии, пассивно, не по-военному медленно вышел из отсека с ящиком и поэтому успел уже за неприкрытой плотно дверью услышать нетерпеливые слова сержанта.

– Если отдать один, то может всплыть и второй. Надёжней и безопасней оба оставить себе. Главное, никто не должен о них знать.

– Логично, – ответил лейтенант, – но... – дальше он тише сказал ещё какие-то слова, но я уже их не расслышал.

Когда я погрузил ящик на корабль, то неожиданно для самого себя, открыл его, чтобы рассмотреть содержимое. Я раньше никогда бы так не поступил. Я солдат и должен просто выполнять приказы, а не совать нос туда, куда не следует. Но на меня смотрели глаза Младенца, и я смотрел на мир уже по-новому. В ящиках лежали какие-то слитки в защитной плёнке. Я включил анализатор, и на нём высветилась надпись «осмий». Тоже слово было выбито с цифровыми характеристиками и на самих слитках. Чистый осмий на маленьком транспорте без никакой охраны – просто невероятно. Самый дорогой металл в мире, из которого делают специальные защитные корпуса для кораблей и многое другое, необходимое для космической промышленности. Я внимательно изучил содержимое второго ящика, сомнений не было, и он был полностью забит слитками осмия.

Я неспешно возвращался назад в транспорт. Мой разум вёл себя странно, столько событий и переживаний за один раз. В голове вертелись какие-то мысли и догадки. Подходя к грузовому отсеку, моя рука непроизвольно сняла лазерный автомат с предохранителя, на который я его автоматически поставил после завершения осмотра транспорта. Я зашёл в грузовой отсек и сразу всё понял.

– Манго- 9, выполнили приказ? – спросил сержант.

– Так точно.

– Молодец, – произнёс лейтенант, стоявший спиной ко мне и начавший быстро разворачиваться. И я мгновенно проанализировал ситуацию, как будто всё дальнейшее уже произошло ранее. Я видел через спину лейтенанта его лазерный автомат и палец, готовый нажать на спусковой крючок, как только ствол нацелится мне в шею, самую незащищённую часть комбинезона десантника. Автомат сержанта был на плече, но я почувствовал, что и он готов его быстро использовать. У лейтенанта было две десятых секунды до выстрела, у сержанта семь десятых. У меня одна десятая секунды, чтобы сначала выстрелить в лейтенанта и пять десятых, чтобы дожидаться аккумуляирования заряда и одновременно перевести ствол автомата на сержанта. Я был опытным солдатом, ситуация была ясна и мои действия быстры и точны. Вспыхнули три лазерных импульса, два моего и один лазера лейтенанта, всё-таки успевшего нажать на спусковой крючок, но луч прошёл мимо меня, и два смертельно раненых человека упали на пол.

Я равнодушно к упавшим командирам прошёл вперёд и увидел за ящиком с мусором тело моего напарника с прожжённым шлемом. Мир стал пустым, в нём ничего не осталось светлого для меня. Только глаза Младенца продолжали смотреть на меня и, может, на всё, что происходило вокруг. Я заплакал. Я давно не плакал, с самого детства, когда, дурачась, случайно один мальчишка резко сдавил мне шею, причинив сильную боль. Несколько дней я потом не мог повернуть голову. Тогда я, плача, пришёл домой, испуганная мама стала вызывать доктора, а отец, внимательно посмотрев на меня, сказал, что мужчина должен терпеть боль, и что он имеет право заплакать, но совсем в другом случае. Сейчас я не мог не заплакать. Я должен был заплакать, чтобы продолжить жить. А глаза Младенца смотрели на меня и плакали вместе со мной.

Постепенно я стал возвращаться к жизни. В шлеме слышались слова бортмеханика с десантного корабля, – лейтенант, сержант, Манго-6, Манго-9, ответьте?

Я задумался на две секунды и ответил, – возвращаемся.

Я встал, машинально вытащил батареи из автоматов убитых десантников и компьютерный планшет из кармана лейтенанта. Мои мысли хаотично начали крутиться в голове, а что же делать дальше, что сказать ребятам? Правду? Но поверят ли они мне? Сомнительно. Тем более не поверит командование. У меня нет уже будущего десантника, а нужно ли оно теперь

мне? Смогу ли я жить так же, как жил раньше? Нет. Я пытался заглянуть в себя, понять, что же теперь мне делать. Но ничего не видел, кроме глаз Младенца. Станных глаз Младенца, казалось, через которых на меня смотрит сама Мировая гармония с таким ужасным укором и страданием, что разрывается сердце. Но глаза, удивительно, не только винили меня, но и успокаивали, словно у меня был ещё шанс заслужить прощение. Это помогло мне принять решение. Решение, которое давало право жить и оставаться человеком и, главное, возможность искупить вину.

Когда я вышел из шлюза нашего корабля и снял шлем, то все десантники набросились на меня с вопросами.

– Где офицер и сержант?

– Где Манго-6?

– Почему так долго не выходил на связь.

Манго-6 убит лейтенантом и сержантом, а я убил их, – спокойно ответил я.

– Ты что несёшь, – угрожающе смотря на меня, произнёс один из десантников и стал приближаться ко мне. В его глазах я увидел неистовое желание свести со мной все счёты.

Он мне не нравился с самого начала десантной службы, а я не нравился ему. Он любил давить и подчинять. А я не хотел подчиняться ему. Его мечтой было стать офицером. А я говорил, что он глуп и офицером никогда не станет. У него был дружок, который ему подчинялся во всём – тупой вояка, получающий удовольствие от насилия. И он тоже был на корабле, и тоже угрожающе стал подходить ко мне. Их было двое, но и у меня был друг, Том, с которым мы старались также всегда быть вместе, и он был на этом корабле. Мой друг непонимающе смотрел на меня, но я чувствовал, что он мне верит. У нас был паритет на службе, два на два, к тому же мы были десанниками, а это значило, что мы должны быть терпимы друг к другу, несмотря на антипатии, тем более при выполнении военных операций.

Но сейчас был особый случай. Офицер и его помощник убит, и наступил момент, когда сильнейший и быстрейший останется правым. Преимущество было у меня – я ничего уже не боялся, и нервы мои были натянуты до предела, но мои оппоненты были действительно глупы и вместо того, чтобы всё взвесить и проанализировать, попытались предпринять резкие активные действия. Я просто предотвратил их атаку, выстрелив в первого в тот момент, когда он хотел нанести мне удар ножом, и наставив ствол на второго. Первый упал, а второй, вместо того чтобы воспользоваться моментом аккумуляции заряда автомата и ударить меня, поблел и потихонечку стал отходить, страх парализовал всё его тело.

– Я сказал правду. Меня тоже хотели убить, как и Джона. Бедный парень. Идите и посмотрите на его прожжённое лицо. Но я опередил их, как и сейчас, – произнёс я и показал автоматом на лежащее тело. – Я никого не хочу убивать, но я не позволю убить себя. Кто мне ещё не верит?

Все молчали, смотря на мой автомат, направленный в их сторону.

– Том, собери всё оружие, включая холодное, и закрой в оружейном блоке, – попросил я друга. – И уберите в холодильник труп.

Мой друг собрал оружие, которое все добровольно отдали ему, и стал складывать в хранилище, я подошёл к нему и отдал свой автомат. Том закрыл оружие и протянул ключ мне, но я попросил оставить его у себя.

– Почему офицер убил Джона и хотел убить тебя? – спросил пилот, когда я расслабленно сел в кресло.

– На транспорте был очень ценный груз, который мы с Джоном погрузили во внешний грузовой отсек нашего корабля, лейтенант и сержант захотели его присвоить, решив убрать свидетелей.

Глаза у десантников испуганные и непонимающие всего произошедшего сразу зажглись, – что это за груз? – чуть ли не хором спросили они.

Я задумался и сказал неправду. – Золото. Двести килограммов чистого золота.

Двести килограммов чистого золота – большая ценность, но двести килограммов чистого осмия, находящегося в грузовом отсеке – это просто невероятная ценность. Откуда он взялся, для кого предназначался? Где получить ответы на эти вопросы? Сложные и опасные вопросы. И я чувствовал, что не надо пока раскрывать десантникам всю правду, для их же пользы.

– Да, в грузовом отсеке есть две сотни килограммов, – подтвердил бортмеханик, просмотрев параметры корабля.

– Если поделить на всех шестерых, то это по тридцать три килограмма на каждого, – сказал восторженно стрелок. – На всю жизнь хватит.

– Правильно, – ответил я. – Но вопрос, как нам его вывести? Если мы вернёмся на базу или в другое место на Марсе или Земле, где нас легко обнаружат системы слежения и быстро поймут воздушные патрули, то начнётся расследование, нас обвинят в убийстве командира и десантников и отдадут под трибунал.

– Может, вернуть золото и сказать правду командованию, – сказал Манго-10 – десантник, который после смерти главаря-друга стал тише травы.

– Можно, но расследование всё равно будет, и самое лучшее, что вас ждёт – это продолжение службы. И не будет никакой весёлой жизни. А мне – конец.

Все сидели в задумчивости. Было искушение, но были и опасения. Я решил взять инициативу на себя. – Что же мы решим? – спросил я. – Лично я попытался бы всё-таки удрать. Если это получится, то с таким богатством можно решить все сложности. А ты? – спросил я друга.

Том задумчиво посмотрел на меня и сказал, – я всегда с тобой. Но куда удрать? – задал вопрос уже он.

– Как только мы выйдем из сектора или в назначенное время не пойдём на посадку, то сразу вызовем подозрение в Центре полётов, и нас начнут искать. И укрыться будет невозможно. Опылительные маяки нельзя отключить, а станциями слежения охвачены все планеты и спутники, короче весь ближний космос от Марса до Меркурия, – сказал пилот, обдумывая ситуацию. – Шансов удрать нет.

– Пойдите, можно уйти к Юпитеру. На его спутнике Европа есть научная станция, работающая уже двенадцать лет и довольно неплохо оснащённая, и нет никаких военных баз и станций слежения, – громко и радостно от своего озарения сказал бортмеханик. – И сейчас относительно близко Юпитер расположен к Марсу.

Все десантники с сомнением посмотрели на бортмеханика, а стрелок даже произнёс, – это страшная даль. Ты, наверное, сошёл с ума. К тому же пояс астероидов.

Но я знал, что бортмеханик увлекается космосом и мечтает работать в будущем на больших кораблях, летающих не к звёздам, конечно, пока не к звёздам, но уже к далёким спутникам.

– Не надо бояться, – убеждённо произнёс бортмеханик. – Всё достаточно хорошо изучено – и пояс астероидов, и другие особенности космоса. Надо просто всё рассчитать. Для этого и существуют программы космической навигации. Мы вычислим наше местоположение, положение Юпитера и Европы, введём в программу технические параметры корабля, и компьютер даст точный ответ.

Пилот с улыбкой смотрел на бортмеханика и, наконец, решил дать своё веское опровержение, – топлива не хватит.

Но бортмеханик не хотел отступать, – надо всё же попробовать рассчитать.

Пилот с бортмехаником углубились в компьютерную систему корабля и начали вычислять параметры. – Да, не хватит, – подтвердил с грустью в глазах через полчаса бортмеханик.

– А если взять на транспорте? – спросил Том.

– Не думаю, что там много осталось. Он шёл с Земли на Марс. Плюс много маневрировал, пытаясь уйти от нас. Но попытка не пытка, – ответил пилот.

Топлива на транспорте действительно было немного. Пилот соединил резервуары транспорта и десантного корабля телескопическим топливным шлангом и закачал все остатки. Снова стали проводиться расчёты. Я с большой надеждой и ожиданием смотрел на пилота и бортмеханика. Они чувствовали мои переживания.

– Оптимальную траекторию мы вычислили исходя из настоящего положения Юпитера и Марса. На разгон топлива хватит, и капелька останется на торможение и посадку. Но лететь придётся семьдесят пять земных суток. Быстрее разогнаться нельзя – не затормозим, медленнее тоже – вообще не долетим. Один шанс из десяти, и промахиваться нельзя. Открытый космос или Юпитер нас не пощадят, – резюмировал пилот.

– Ну что же давайте решать, – сказал я. – Неприкосновенный запас воды и пищи на корабле месячный, но нас осталось только шесть человек. Можно протянуть. Я готов рискнуть.

– Я тоже, – сказал Том и улыбнулся мне. Он всегда доверял мне и никогда не подводил. Я обнял его. Один шанс из десяти, а он даже не сомневался.

– И я готов лететь. Вы не представляете, как необыкновенно красив вблизи Юпитер, – восторженно сказал бортмеханик.

– Я – как пилот, ему сажать корабль на Европу, – разумно сказал десантник-стрелок.

– Я согласен со стрелком, – произнёс другой.

Все посмотрели на пилота. Он в свою очередь обвёл всех взглядом, и остановил его на мне. – Значит, по тридцать кило золота? – я кивнул, пилот немного странно улыбнулся. – И один шанс из десяти, а может из пяти. И вы мне доверяете свои жизни, – все кивнули, кроме последнего десантника. – Если я откажусь рискнуть, вы меня потом будете упрекать, – все отрицательно покачали головами. – Знаю я вас. Ну что же? Летим. Летим на Европу.

Всех охватило возбуждение. Не от золота, а больше от риска. Хотя один из пяти – в принципе неплохой шанс для десантника.

А что будем делать с офицером, сержантом и Джоном? – спросил один из десантников, когда возбуждение чуточку улеглось, и корабль стали подготавливать к полёту.

– Кто хочет, может сходить за их телами, чтобы похоронить во льдах Европы, – ответил я. Все переглянулись, и желающих не нашлось. Тогда я обратился к стрелку. – Перед выходом корабля на траекторию выпусти оставшиеся ракеты по транспорту, чтобы хоть немного облегчить корабль и замести все золотые и... кровавые следы, – с глубокой печалью произнёс я последние слова.

– Там много погибших людей, – спросил Том.

– Дело не в количестве, а в том, что они есть. И они совершенно невинны. – На меня продолжали смотреть глаза Младенца.

Бортмеханик связался с диспетчером Центра полётов и сказал, что на военном борту всё нормально, происшествий нет, в 15.00 будем на базе согласно графику, и отключил связь навсегда. В это время мы уже начали разгон к Юпитеру.

Дежурили по два человека, остальные отдыхали – спали, мечтали, размышляли. Стрелок, бортмеханик и трусливый боец в разговорах воодушевлённо делились мнениями, как они будут жить в будущем с большими деньгами. Только я, мой друг и пилот были равнодушны к такому будущему. Меня не покидали глаза Младенца, и когда я бодрствовал, тем более, когда пытался заснуть.

Я сожалел, что не посмотрел документы, собранные лейтенантом. Мне хотелось бы знать имя женщины и её ребёнка. Мальчик это был или девочка? Чтобы не умереть от тоски и боли в сердце, постоянно смотря в глаза Младенца, я вспоминал свою жизнь. Раньше мне казалось, счастливую жизнь. Я хорошо учился в школе и неплохо играл в футбол. С умом и здоровьем было всё в порядке, благодаря чему я удачно сдал экзамены и поступил в Космическую десантную академию – мечта все мальчишек. Занятия сочетались с весёлыми развлечениями. Командиры, друзья, подружки – круговорот событий и впечатлений. А потом началась

служба. Счастливая эйфория потихонечку начала рассеиваться. Похожие десантные операции против контрабандистов, пиратов и других преступников, патрулирования, когда сутками приходилось летать в космосе, потом однотипные развлечения с сослуживцами и мимолётными подружками. Я стал уставать от монотонности и ординарности. Где приключения, подвиги? Все говорили, что надо потерпеть, выслужиться, получить офицерское звание, и появятся более интересные перспективы. Но я смотрел на офицеров, и не видел в их жизни перспективы. Постоянные отлучки от семьи, если у кого-то она была, большая ответственность, риск и постоянная боязнь провалить задание. Высокая зарплата и военные привилегии, по моему мнению, не оправдывали тяготы офицерской десантной службы. Рискованные контакты с порочными преступными элементами, которые, конечно, редко оказывали серьёзное сопротивление десантникам, но были такие случаи и в моей уже практике, неприятные взгляды добропорядочных людей при досмотрах их грузов – это не могло нравиться нормальному человеку. А я был нормальным человеком. Только одно светлое было в моей десантной службе – у меня появился друг, настоящий друг. И за это я ей был благодарен.

А что теперь? Мне двадцать восемь лет, и я дошёл до точки, убив маленького ребёнка и его мать. Да, я выполнял приказ, но это не имеет никакого значения. Я – убийца. А потом я убил лейтенанта, сержанта и солдата. Но их глаза не смотрят с укором на меня, потому что в их глазах не было чистоты и света. Невероятный свет и чистота были только в глазах Младенца, и они прожигают мою душу лучами скорби и боли. Как мне жить с этими глазами?

Мой друг видел, что я страдаю, и переживал за меня. Он попросил поделиться с ним всеми произошедшими на том транспорте событиями. Я всё подробно рассказал, только не смог описать последний взгляд Младенца на меня. Не потому что не мог найти слова. Потому что прочувствовать и понять этот взгляд можно, только увидев его наяву. И я никогда бы не пожелал Тому увидеть этот предсмертный взгляд Младенца.

А пилот... Он был старше меня на шесть лет, это считалось солидным для военнослужащих, но относился ко мне во время нашей совместной службы с симпатией. А после произошедших событий я чувствовал, что его отношение ко мне ещё улучшилось. Странно, я на его глазах убил соратника, и признался, что ранее убил ещё двоих, но он задумчиво смотрел на меня и подбадривал.

– Лексис, не падай духом. Тебя ждёт новая жизнь, – сказал как-то он мне, когда мы дежурили вдвоём.

Я удивлённо посмотрел на него. Он засмеялся, – ты не так меня понял, не в смысле новой после смерти, а новой настоящей. Космический десант – не для тебя, я думаю, ты это уже сам понял. Возвращайся на Землю, женись, воспитывай детей, делай что-то простое, но полезное для людей и развивайся. Ты добрый и смыслённый парень, раскрой свои настоящие способности.

– А ты, что будешь делать ты, когда всё закончится?

– Я – космический пилот. И если всё закончится благополучно, то я буду продолжать летать. – Мне показалось, что он в душе не верил в удачный исход, какие-то печальные интонации были в голосе. Между тем пилот продолжал. – Иногда мне так надоедают ваши десантные шутки и эта чернота, – пилот грустно посмотрел вперёд. – Но долго находиться на земле не могу. В этой черноте есть звёзды, полёт, мужское братство и планеты, которые для меня краше издалека, чем вблизи.

– Зачем тогда ты согласился рисковать и лететь на Европу? – озабоченно спросил я.

– Конечно, не из-за золота. Это точно. Но если бы я струсил, то перестал бы уважать себя. И тебе просто необходимо лететь на Европу.

– Но ты рискнул жизнями и других ребят?

– Рискнул, это мой выбор. И, мне кажется, их, – пилот вздохнул. – Теперь ничего не остаётся, как не дать вам погибнуть.

Наступила пауза. А потом я тихо произнёс. – Знаешь, я не был с тобой до конца открыт...

Пилот посмотрел на меня и жестом попросил замолчать. Потом оглянулся на спящих ребят и сказал, – сейчас не надо никаких объяснений. Когда сядем, тогда и расскажешь.

Корабль подлетал к цели. Перед нами был громадный Юпитер, который своими гравитационными силами помог нам выйти на маленькую ледяную Европу. Пилот и бортмеханик были очень сосредоточены. Всё было готово для маневрирования и посадки. Дыхательные баллоны и другое необходимое оборудование было проверено и закреплено. Все надели космические комбинезоны, шлемы и расположились в десантных креслах по бокам корпуса корабля. Пилот сначала приказал бортмеханику закрепить дополнительно головы и конечности всех десантников специальной прочной липкой лентой. А потом приказал сесть самому в кресло десантника и сам закрепил его.

– А как же, ты? – спросил бортмеханик пилота.

– Я сам справлюсь, расчёты наши оказались точными. Я один смогу управлять кораблём, и тебе нет необходимости оставаться на своём месте, кресло десантника безопаснее.

Стояла тишина, каждый думал о чём-то своём. Приблизительно через час всё будет кончено. Или мы будем жить, или погибнем.

– Ну что же пора, поехали. Молитесь ребята, чтобы топлива хватило, – сказал минут через пятнадцать пилот и запустил двигатели корабля для манёвра и торможения. Корабль стал выходить на траекторию к Европе с необходимой скоростью.

Я чувствовал вибрацию от работы двигателей и мечтал только об одном, чтобы она не кончалась. Но ничего нет вечного. Наступила тишина.

– Неужели предсмертная, – подумал я.

– Немного не дотянули до относительно ровного льда. Придётся садиться на небольшие хребты и подальше от станции, – нарушив тишину, произнёс пилот.

Я хотел поглядеть на поверхность, к которой нёсся десантный челнок, и на пилота, но шлем был жёстко закреплён лентой. Прошли ещё минуты, и в шлеме прозвучала последняя фраза пилота. – Соберитесь ребята, через двадцать секунд контакт.

Первый удар был не такой сильный, корабль стукнулся об поверхность и подлетел вверх. Нас начало крутить. Может минуту мы парили, может меньше, потом снова был удар, потом ещё.

– О, чёё... – услышал я крик пилота, а потом наступила темнота. Я только чувствовал боль, словно внутри меня всё порвалось. Мне казалось, что я играю в футбол, и на меня как бы в замедленном действии со всего разгона налетают соперники, причиняя сильную боль. Налетел один, и тут же с другого бока другой. Я не падаю, а только отлетаю, а они всё бьют меня и бьют. Мне хочется крикнуть, чтобы они прекратили налетать на меня. Но не могу. А глаза Младенца с печалью смотрят на мои страдания.

Я открыл глаза, сознание постепенно начало возвращаться ко мне. Стояла полная тишина. Сильно болела голова и всё внутри тела. Первой у меня была какая-то странная мысль, что в бессознательном состоянии время и ощущения теряют свою точность, и боль воспринимается более длительной и чувствительной. Корабль кидало по ледяным торосам, наверное, на больше полминуты после первого самого сильного удара, а мне казалось, что меня били футболисты очень долго. Но реальность, наконец, полностью вошла в моё сознание.

– Есть живые? – тихо спросил я.

– Через пару секунд я услышал ответ Тома, – Вроде есть.

Мне стало сразу легче. Через минуту раздался ещё голос и стон.

Я пытался освободиться от ленты, но резкие движения ещё причиняли боль. Освободив шлем, я начал снимать ленту с ног. Но тут ко мне подошёл Том и помог мне.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Жить буду. А как ты?

– Нормально.

Когда я поднялся на ноги, то сразу попытался подойти к пилоту. Его кресло стояло не прямо, как всегда, а повёрнуто было вперёд и в бок. Когда я коснулся его, то оно зашаталось. Удары были такой силы, что даже ослабло крепление. Я посмотрел на пилота, его голова безжизненно свисала с плеч. Подошёл Том, посмотрел на датчики и сказал, – он мёртв, наверняка, сломана шея. Мы обязаны ему жизнью.

Я с печалью смотрел в его раскрытые мёртвые глаза. Он был настоящим пилотом. Опытным и смелым. Он с самого начала предчувствовал, что так всё и будет, но не отступил и пожертвовал собой ради меня и других ребят.

В результате жёсткой посадки погиб пилот, стрелок был в тяжелом состоянии, видимо был разрыв органов и внутреннее кровоизлияние, у трусливого десантника была сломана нога, её зацепил какой-то оторвавшийся при ударе предмет. Я, Том и бортмеханик чувствовали себя относительно сносно. Мы вытащили из корабля раненых, специальные носилки, дыхательные баллоны, батареи для комбинезонов, сигнальные ракетницы, два автомата и гранатомёт. Я выпустил гранату в ледяной утёс, к которому прижался корабль и обрушил на него лёд, замаскировав под не очень большим слоем. Потом определил по планшету наши координаты, сохранил их и вычислил направление движения к научной станции, которая находилась от нас на расстоянии приблизительно ста пятидесяти километров. Стрелка положили на носилки, и я с Томом поволок их по льду. А бортмеханик помогал идти десантнику. За золотом (я так и не сказал ещё правду ребятам) решили вернуться позже. Сейчас главное – выжить.

Воздух, вырабатываемый баллонами, быстро расходовался, а мы за двадцать земных часов прошли всего одну треть пути. Рельеф был очень сложен, приходилось обходить большие ледяные торосы и расщелины. Состояние стрелка было критическим, он умирал, его поддерживали только специальные препараты, которые я периодически вводил ему в организм, но это было всё временно.

– Его надо оставить, – сказал, не вытерпев Манго-10, – с ним мы тратим много воздуха, – и он уже не выживет.

– Согласен, – ответил Том в сердцах, – но вместе с тобой. Ты тоже нас задерживаешь. Когда мы дойдём до станции, или нас обнаружат, то сразу вылетим за вами.

– Я могу идти, – испуганно сказал десантник и интенсивно захромал вперёд, опираясь на бортмеханика.

Я решил никого не бросать, даже умирающего стрелка. Будем идти, пока хватит воздуха, и умрём все вместе. Я знал, что Том думает также.

Стрелок умер через десять часов, у него не осталось сил, а у нас – поддерживающих препаратов. Мы сидели на ледяной равнине, местность относительно выровнялась, воздуха осталось всего на два-три часа. Силы у нас тоже были на исходе, мы почти не отдыхали. А до научной базы ещё было очень далеко. Никому не хотелось продолжать путь. Апатия и равнодушие овладели нами.

Я неожиданно вышел из состояния полусна, полузабытья. Глаза Младенца пристально смотрели на меня и заставили пробудиться. Я посмотрел на измученные лица ребят, лежавших рядом, на их, у кого спокойную, у кого нервную мимику. Кому-то снился счастливый сон с любовью и теплом, кому-то кошмар с болью и смертью. Потом я встал, взял две последние ракетницы и пошёл к небольшой возвышенности. Вся поверхность планеты до горизонта блесла под светом, отражённым от Юпитера. Какая космическая красота, но совершенно безжизненная. Я выпустил сигнальную ракету, которая маленькой яркой звёздочкой улетала всё дальше и дальше от меня, пока не потухла. Я решил, что подожду пять минут, выпущу последнюю ракету и пойду к ребятам умирать. Вместе смерть встречать легче.

Когда я уже шёл назад, то на горизонте вдруг появилась яркая точка. Она приближалась. Это были люди, я это знал уже точно, и они летели к нам. Я бросился к ребятам с радостной вестью. Я смотрел на ребят, которые просто плакали от счастья и всё обнимали по очереди и без очереди меня, и я обнимал их. Мне было как-то грустно и радостно одновременно, потому что мы спаслись, но рядом лежало тело стрелка, а в корабле осталось тело пилота, и на меня смотрели глаза Младенца.

В научно-исследовательском боте, подлетевшем к нам, было два человека. Они помогли нам погрузить мертвого десантника. В боте было очень тесно, когда мы все поместились в нём, но я и ребята этой тесноты сначала не чувствовали. Когда давление внутри бота стабилизировалось, научные работники сняли шлемы и сказали, что можно снять их и нам.

Первый раз в жизни я снимал шлем со стеснительностью, хотя он ужасно надоел мне за тридцать с лишним часов. Дело в том, что одним научным работником была девушка. Волосы у неё, конечно, были не длинные, но лицо было очень женственным. Я стеснялся запахов, которые распространятся от нас в этой тесной обстановке. Но девушка сумела не подать никакого вида, это было мужественно с её стороны, потому что её напарник всё-таки чуточку поморщился, когда все четверо десантников освободились от шлемов.

– Кто вы такие, и откуда здесь появились? – спросила она, смотря на наши уставшие лица.

– Мы – десантники с Марса, потерпевшие крушение. Ещё час, и мы бы задохнулись, вы нас спасли, – с благодарностью ответил я.

– Вам невероятно повезло, что я заметила первую ракету в самый последний момент, перед тем как она погасла, вторая бы уже ничего не решала, – она как-то особенно посмотрела на меня. – Зачем вы прилетели сюда с Марса?

– Так сложились обстоятельства. Куда мы летим? – в свою очередь спросил я.

– На научную станцию, конечно. Больше на Европе лететь некуда, – с улыбкой ответил спутник девушки.

– Дело в том, что мы выполняем важную миссию, – ребята, предоставившие право вести разговор мне, они были счастливы и только восторженно смотрели на девушку, сразу перевели взгляд на меня, полностью поддерживая мою версию. – И поэтому о нашем появлении никто не должен знать на станции кроме вас, конечно, и..., – я задумался на пару секунд и продолжил, – ответственного и разумного человека.

– Очень интересно. Какую военную миссию можно выполнять на Европе? – с удивлением спросила она.

– Пожалуйста, найдите для нас укромное местечко где-нибудь на станции, приведите вашего руководителя и никому не сообщайте о нас. Это вопрос жизни, – умоляюще смотря в глаза девушке, попросил я.

Она посмотрела на меня, потом в просящие глаза ребят и сказала напарнику, – летим к восьмому блоку, там сейчас заморожены исследования, но жить можно.

Через десять минут мы подлетели к пяти корпусам, из которых три были предназначены для научных работ и два для отдыха. Наконец, мы оказались в человеческих условиях, где можно было снять комбинезоны, помыться, поесть и поспать. Девушка обещала, что привезёт надёжного человека, и он решит, что с нами делать, а пока никто о нас не будет знать. Я ей поверил, да и другие ребята тоже. Она была необыкновенная, таких девушек я редко встречал в жизни, особенно в последние годы. И по внешности, и по характеру, и по чувствам. Искренность, доверие, доброта – всё было у неё. И я ей понравился. Точнее, я произвёл на неё впечатление человека, которому нужна помощь, она это почувствовала в моих глазах. И она хотела помочь мне и моим спутникам, это я почувствовал в её глазах.

Мы успели немного отдохнуть и прийти в себя, когда к нам зашёл пожилой человек вместе с нашей спасительницей. Он представился профессором, руководителем отдела поиска внеземных форм жизни на планете Европа. Я, шутя, спросил, есть ли жизнь на Европе? Он также

ответил, что до нашего появления сотрудниками станции живых организмов не было обнаружено. Потом шутки кончились, я ввёл руководителя немного в курс дела, но, сказав только, что на борту разбившегося десантного корабля есть очень ценный груз, не уточнив какой именно. Научный руководитель был действительно умён. Он внимательно смотрел на меня и ребят, слушая мой рассказ, иногда задавал вроде бы отвлечённые вопросы. Он сообразил, что я что-то не договариваю, скрывая больше не от него, а от других ребят, и не требовал всех ответов сразу. Он пытался понять, что мы за люди, каждый по отдельности. Поэтому он не стал торопить события, предложив нам хорошо отдохнуть в этом безопасном месте, и когда у него будет свободное время, он постарается уделить нам больше внимания. А дочку попросил позаботиться о нашем здоровье. Оказывается девушка, которая спасла нас, была его дочерью, и она неплохо знала медицину. Она привезла с собой медикаменты и небольшое медицинское оборудование. Когда мы беседовали с её отцом, она занималась уже ногой Манго-10. А потом пришла очередь и других. Её звали Лилия, но она сказала, что можно её звать Лили, а если и это сложно, засмеялась она, то можно просто Ли.

Но всем ребятам нравилось звать её Лили. Она была на самом деле не такая, как другие девушки. Красота у неё была особенная. Рот довольно большой, обычный нос, карие, раскосые чуточку глаза, прямые, не тёмные, но и не светлые волосы, чуть уменьшающийся к подбородку овал лица. Всё по отдельности – обыкновенное. Но в комплексе всё это обыкновенное делало её лицо очень симпатичным. Обаяние у неё было тоже особенное. Улыбка, прищуривание и свет глаз, когда она смеялась, мимика при разговоре, поведении – всё было естественным, живым и красивым. И фигура у неё была очень стройной, и двигалась она мягко и грациозно от природы, без искусственных навыков. В неё невозможно было не влюбиться, и мы все радовались, когда она нас посещала, и старались угодить во всём.

Через три дня профессор предложил совершить полёт к десантному кораблю. Мы, посоветовавшись, решили похоронить стрелка в корабле вместе с пилотом. Я сказал, что с профессором полетят только два человека – я и Том. Больше места не было, необходимо было забрать ценный груз.

Манго-10, подозрительно посмотрев на Тома, сказал, – почему он, а не бортмеханик, – себя со сломанной ногой, понятно, предлагать глупо.

– Я так предложил, может, кто-то ещё не согласен, – и я посмотрел на бортмеханика и Тома.

Бортмеханик посмотрел мне в глаза и сказал, что не против такого предложения. Он был честный и умный парень. После того, что он пережил, вызывать мне недоверие было бы просто неблагодарностью.

– Спасибо, – ответил я ему глазами, а вслух сказал. – Я клянусь вам, что все полученные в будущем за ценный груз деньги будут поделены поровну между нами. Может, сначала мы получим только часть денег, а остальные через некоторое время, но никто не возьмёт себе больше, чем другие.

Все мне поверили, даже Манго-10.

Найти корабль по сохранённым координатам было легко. Когда мы раскопали вход в корабль, я внёс в него тело стрелка и посадил на его рабочее место. Посмотрел на пилота, стрелка, а потом на холодильник, где оставался труп десантника, и пожелал им всем счастливой новой жизни. Затем мы раскопали грузовой отсек. Слитки осмия вылетели из разбившихся ящиков и усыпали дно отсека. Хорошо, что очень прочными делают корпуса десантных кораблей, а то пришлось бы его собирать месяцами на большой площади. Я усмехнулся, вообще их некому было бы собирать.

У Тома расширились глаза, когда он понял, что это не золото, а осмий. Он удивлённо посмотрел на меня, и я дал понять, что знал это уже раньше. Он задумался и как всегда согласился с моим решением. А профессор не удивился, точнее несильно удивился. У меня созда-

лось впечатление, что он больше меня знает о происхождении и предназначении этого осмия или догадывается. Мы загрузили осмий в научно-исследовательский бот. Я снова взял гранатомёт и выпустил три гранаты в ледяной уступ, окончательно похоронив корабль уже под толстым слоем льда.

Мы летели в сторону научной станции.

– Вот такой ценный груз, – сказал я, обращаясь к профессору. – Теперь вы понимаете всю сложность ситуации. Мы полностью вам доверились, и дальнейшая судьба осмия и нас в ваших руках.

Руководитель минуту молча размышлял, а потом произнёс, – да, втянули вы меня в такое опасное дело. Но что произошло, то и произошло. Вы считаете, что никто не знает, что осмий находится на этой планете?

– Поиски, конечно, идут, но ещё далеко отсюда. То, что осмий был в транспорте, знали только те, кто его вёз, и те, кому его везли. Больше никто. Мы случайно напоролись на этот злополучный транспорт, – глаза Младенца снова смотрели на меня, – и никто, кроме вас и нас четверых, об этом не знает. Перед посадкой мы с вашей станцией не связывались. Транспорта больше нет, он разлетелся на кусочки в космосе. Пока свяжут наше исчезновение с транспортом, и если ещё свяжут, то пройдёт время. Пока узнают, что часть экипажа жива и находится на Европе – ещё время. Кстати, в вашей дочери мы не сомневаемся, а как на счёт её спутника?

– Не волнуйтесь, он тоже вполне надёжный человек. Он предан науке и больше ничему, и если я его о чём-то попрошу, а я для него авторитет, – улыбнулся профессор, – то он обязательно выполнит мою просьбу.

– Что же, можно подвести итог. О произошедших событиях ни наши военные руководители, ни какие-либо ещё организации не знают. И о том, что мы натолкнулись на транспорт, и о том, живы мы или нет. И самое главное, об осмии знаем только мы. Я и Том не можем пока высовываться, чтобы не вызвать подозрений. И вообще, мы все вчетвером не хотим высовываться. Нам необходимы средства, чтобы скрыться и относительно сносно продолжить жизнь вне военной службы. Мы по военным законам – преступники, и вообще, не знаю, как другие, но я сыт по горло десантной службой.

Профессор задумчиво смотрел на меня, чувствуя в глубине надлом, рану, которая болела внутри меня, не давая душевного покоя, но ничего не говорил.

Я продолжил. – Мне кажется, вы лучше разберётесь, что делать с осмием и с нами. Вы опытней и умней нас, и мы готовы вам подчиняться.

– Сделаем так, – сказал профессор, – осмий мы спрячем в одном надёжном месте, где его сложно будет найти другим людям, и где он будет в относительной безопасности. – Том вопросительно посмотрел на руководителя, и он уточнил. – Дело в том, что Юпитер давит на Европу, вызывая тектонические и сдвижные процессы. Наша научная станция расположена на мощном ледяном плато, где сдвиги не так сильно выражены. И недалеко от станции есть заброшенные исследовательские выработки во льдах, там и найдём это надёжное место. Пару слитков я возьму с собой на станцию для ведения переговоров с заинтересованными лицами. С учётом вашей безопасности и дальнейших перспектив, – добавил он.

– У вас есть такие люди на примете? – спросил Том.

Профессор улыбнулся наивности Тома, – конечно нет. Вы думаете, я только и занимаюсь, что предлагаю другим осмий. Но предварительный план действий у меня уже складывается, – после небольшой паузы сказал он, – но вам надо будет потерпеть, и не дни. Научный космический грузовой транспорт, обеспечивающий нас всем необходимым, прилетает приблизительно один раз в земной год. Ближайший будет через пять месяцев, – он снова задумался. – Контактировать будете только со мной и Лилией. И ещё, не надо ставить в известность об осмии больше никого, ни ваших друзей десантников, пусть останутся в золотом неведении, ни Лилию. Особенно Лилию. Будьте внимательны в разговорах между собой – нет осмия, есть золото.

Мы согласно кивнули головами.

– А теперь летим к тому месту, – подытожил профессор.

Спрятав осмий, и отметив координаты укромного места, нам осталось только ждать. А это было не так легко. Огорчало меня с Томом, особенно Тома, присутствие Манго-10. Он был нетерпелив, и чем дальше уходило время, тем всё чаще спрашивал у меня и изредка появлявшегося руководителя отдела, как продвигаются дела, и сколько ещё ждать результата? Но это было полбеды. Манго-10 обозлился на Тома. Ко мне он относился после того, как я убил дружка, но пощадил его, подвергнув ужасному страху, уважительно. Тем более в определённой степени благодаря мне он остался в живых и здесь, на планете Европа. Может, он меня в душе тоже ненавидел, но больше боялся и уважал. Том относился к Манго-10, аналогично мне, как к трусу и глупцу, а вот этого Манго-10 уже стерпеть не мог. То, что было позволено мне, он считал, не позволено Тому, и всячески этому противодействовал, в результате у них постоянно возникали ссоры, даже в мелочах. Том как-то в сердцах даже посетовал, что я не пристрелил Манго-10 вместе с дружком в тот раз, как лучше бы было жить на свете. Я посоветовал быть терпимее и не обращать на Манго-10 внимания. Тем более, есть более достойный внимания человек.

Я, конечно, имел в виду Лили. Но Лили Тома не интересовала. Точнее, он делал вид, что не интересовала. Уже в первые дни нашего пребывания в восьмом блоке, Том спросил, какие у меня планы на будущее. Я ответил, что толком сам не знаю, и рассказал о пожеланиях мне погибшего пилота. Он внимательно выслушал, и ответил, что пилот был совершенно прав, и я именно так должен поступить, когда наше пребывание здесь закончится. А через полчаса в корпус зашла Лили. Том с каким-то особенным вниманием стал следить за ней, как она смотрела на меня и других ребят, и как я смотрел на неё.

А как она смотрела на ребят? На Манго-10 – с добротой, не более. На бортмеханика – с теплом и добротой. Бортмеханик считал себя некрасивым и поэтому с Лили был по-юношески стеснителен, и она хотела хоть немного сломать эту стену неуверенности по отношению к ней. На Тома – с теплом, добротой и уважением, ей нравился его открытый взгляд и чистые мысли.

А как она смотрела на меня? Как на Тома, но и ещё с каким-то сопереживанием, участием. А как ещё могла смотреть добрая, отзывчивая девушка на человека, который видел глаза Младенца?

А как я смотрел на неё? Как на человека, который облегчал мне душу своим появлением. И Том это почувствовал и ушёл в сторону. Сначала Лили удивилась изменившемуся отношению Тома. С очень тёплого на немного прохладное. Но постепенно всё поняла. Я говорил Тому, что нехорошо так вести себя, ведь я его друг. Но Том отвечал, что лучше, чем Лили, мне девушки никогда не найти. И только она, не он и никто другой, сможет понять меня лучше всего и помочь жить дальше. Том был прав, и я в этом всё сильнее убеждался. Впрочем, как и Лили.

Я всегда был интересен для девушек. Лицо симпатичное, телосложение стройное, характер сильный, но добрый и плюс обаяние. Мне повезло в жизни родиться обаятельным человеком. Я не мог объяснить, почему к одному парню или девушке тянет сильнее, чем к другому или другой при всех равных показателях. Но я видел эту тягу у других и чувствовал её сам.

Лили нравилось быть со мной. Но всё-таки не только благодаря моему обаянию. Мне казалось, что я перестал быть обаятельным, когда убил Младенца. Не знаю. Но как бы то ни было, Лили загадочно смотрела в мои глаза, пытаясь понять меня и помочь. Мы чаще стали оставаться наедине, благодаря удачно сложившимся обстоятельствам. Профессор решил, чтобы не вызывать лишних подозрений частыми поездками Лили в восьмой блок, возобновить там работы. И он командировал её и парня, который был вместе с ней при нашем спасении, в этот научный сектор. Они поселились во втором жилом корпусе. Вообще, в стандартном космическом жилом корпусе может располагаться шесть человек. Есть шесть малень-

ких отдельных комнат, столовая-гостиная, два санузла и, конечно, технический отсек. Но Лили решила, что удобнее им расположиться в соседнем корпусе. Я и Том с удовольствием помогали Лили и её сотруднику выполнять научные изыскания. Иногда принимали участие и другие десантники. После работы мы все собирались у нас в корпусе, ужинали и общались. А потом Лили и парень уходили в свой корпус. Я, как правило, помогал им надеть комбинезоны и провожал до шлюзовой камеры. Но однажды, как-то получилось, что я вызвался проводить её до корпуса. Том очень сильно подружился с молодым сотрудником. Может, сначала он искусственно заинтересовался научной работой парня, чтобы дать шанс мне поближе познакомиться с Лили. Может быть. Но их отношения постепенно стали по-настоящему дружественными, им было приятно общаться друг с другом. В тот раз парень решил задержаться, и я воспользовался моментом, предложив Лили своё внимание. Она согласилась.

– Странный ты какой-то, Лексис, – сказала она, когда мы вышли из корпуса. – Будто прошёл тяжёлую войну.

Я молчал. Она неправа, я не прошёл войну, я пережил всего лишь один страшный военный эпизод, но он оставил неизгладимый след во мне, он оставил во мне взгляд Младенца. Можно всю жизнь воевать, убить сотни людей, но не испытать того, что испытал я. Она даже представить не может этот взгляд, леденящий душу и сжигающий сердце и днём и ночью.

– Расскажи, что с тобой случилось? – попросила она и предложила чашку чая у неё в корпусе.

Я рассказал, как убили Джона, как я убил лейтенанта, сержанта и солдата, как погиб пилот, спасая наши жизни, как мучительно умирал стрелок, но я не мог ей рассказать об убийстве ребёнка и его матери. Как я буду смотреть ей потом в глаза? Только с Томом я смог поделиться этим, а он никогда никому не расскажет. Она внимательно слушала и поняла, что я рассказал не всё, и что самое глубокое больное я никогда для неё не открою, не потому что она этого недостойна, потому что это нельзя ей знать, ради нашего будущего. Мы уже тогда начали ощущать, что у нас есть общее будущее.

Мои глаза наполнены почти всегда печалью, скорбью, жадной искупления, потому что я всегда вижу взгляд Младенца. И только чистые глаза Лили способны притупить этот взгляд, она – моё будущее. Когда я смотрю на неё, в моих глазах начинает светиться любовь, а даже глубокая печаль не может победить свет любви. Лили видит, что я оживаю рядом с ней, и в ответ начинает светиться её душа, значит, я – её будущее.

Проходили дни, и с каждым днём мы всё ближе были друг к другу. И как-то само собой получилось, что научный работник стал жить в корпусе с ребятами, а я стал жить с Лили. Так было удобно всем. Научный работник вносил радость в жизнь ребят. Отношения Тома и Манго-10 не улучшались, и чтобы обстановка не накалялась, его присутствие было необходимо для всех. Лили тоже нельзя было оставлять одну в корпусе по элементарным правилам безопасности, и я был счастлив, что они существовали, и что я могу быть рядом с ней. Лили тоже была не против моего близкого соседства.

И наступил тот день, точнее, та ночь, когда она пришла ко мне. Я не способен был решиться прийти к ней первым, потому что не считал себя достойным решать её судьбу. Она это поняла и сделала выбор сама. Добрая, мягкая, но и смелая, когда нужно, Лили. И мой мир наполнился любовью и счастьем. Когда я обнимал и целовал её, а она обнимала и целовала меня, то я забывал обо всём, где мы находимся, что будет с нами, и даже глаза Младенца не смотрели на нас.

Том сразу всё понял, ничего мне не сказал, но по всему его цветущему виду было видно, что он счастлив за нас. Манго-10 с хитрецей, но молча, на нас поглядывал, и я чувствовал, что он мне завидует. Бортмеханик на наш союз смотрел легко философски – каждому – своё. А сотрудник действительно больше всего любил науку, но я надеялся, что это у него временно.

Я никогда никого так не любил раньше, как Лили. Она была совершенством. Её чувства ко мне были глубоки и чисты, а ласки чудесны. Мне не терпелось оказаться с ней наедине, а ей – со мной, чтобы улететь вместе на воздушных волнах любви подальше от ледяной планеты, повседневных забот, тягостных ожиданий и глаз Младенца.

Но не могло всё так долго продолжаться. Через четыре с половиной месяца профессор сообщил, что скоро прилетит большой космический транспорт на станцию. И на нём мы полетим обратно на Марс. Там нас встретят надёжные люди, обеспечат полную безопасность и помогут обустроить дальнейшую жизнь.

– Наконец, – радостно сказал Том, – я что-то устал от Европы.

– Да, засиделись мы тут, – подхватил бортмеханик.

– А как на счёт денег? – спросил Манго-10.

– Вам выплатят на Марсе приблизительно полмиллиона, – ответил руководитель.

– На всех?

– Да. И это единая выплата.

– Но это мало за 200 килограммов золота, – недовольно сказал Манго-10. По его расчётам лично ему должно было перепасть около миллиона.

– Цены на золото не высоки на данный момент – это раз, сделка нелегальна, значит, покупатель тоже рискует и поэтому ставит условия – это два, вам обеспечат полную безопасность, значит, изменят личный биокод, помогут выбрать новую профессию, место жительства или что-то ещё, в зависимости от ваших пожеланий, что не так просто – это три.

– Я согласен лететь, – сказал я, чтобы освободить профессора от ненужных объяснений, – нельзя тут вечно сидеть и ждать хороших условий, можно потерять всё.

– Я тоже, – сказал Том.

– Бортмеханик посмотрел на всех и тоже согласился со мной и Томом. Всё было ясно. Манго-10 понял, что его мнение уже ничего не значит, и, не скрывая злости, ушёл в свою комнату.

– Вопрос решён, готовьтесь к отлёту, – профессор пошёл к выходу. Проходя мимо меня, он негромко сказал, – Лексис, я хотел бы с тобой ещё кое-что обсудить, не прокатишься со мной.

Я надел комбинезон и вышел вместе с ним из корпуса. Мы сели в бот.

– Осмий попадёт туда, куда следует, – начал разговор профессор. – Я сам не знаю всего, но чувствую, что всё будет правильно. А тебе просили передать благодарность. Они понимают, что денежная компенсация небольшая, просто больше нет, но приложат максимум усилий для твоей безопасности и твоих сослуживцев.

– А кто эти люди? – спросил на всякий случай я, конечно, не ожидая точного ответа.

– Не знаю, но могу сказать, что разумные и ответственные люди. За них ручается один мой очень хороший друг, тоже учёный. – Меня удовлетворил такой ответ, и профессор продолжил. – Научно-исследовательский транспорт прилетит через неделю, разгрузка, погрузка, и через три дня улетит назад. На нём повезут вместе с другим грузом и осмий. Сейчас мы слетаем в наше укрытие, и ты мне поможешь его загрузить.

– Спасибо вам, профессор, – ответил я.

– Пока рано благодарить, когда будешь в полной безопасности, тогда и поблаговаришь. Кстати, какие планы у тебя на будущее? – непринуждённо спросил он, ускоряя бот, но я почувствовал, что этот вопрос был важен для профессора, ведь он отец Лили, и, наверное, о многом догадывается.

– Я хочу вернуться на Землю и найти какую-нибудь спокойную и полезную работу, – я замолчал, обдумывая, как же тактичнее сказать ему, что я люблю его дочь и хочу, чтобы она полетела вместе со мной. Профессор тоже молчал, только понимающе кивал головой.

– И я хочу увезти с собой Лили, – неожиданно прямо, даже резко произнёс я. Профессор был спокоен и совершенно не удивился известию, что у нас с Лили есть близкие отношения, и моей прямоте.

– А что думает она? – просто спросил он.

– Я ещё конкретно её об этом не спрашивал, но думаю, что она согласна.

– Конечно, согласна, – вздохнув, сказал руководитель.

Я удивлённо посмотрел на отца Лили. Но почему так получается, что профессор чаще удивляет меня, чем я его. Что он знает всегда больше, чем я думаю о нём.

– Вы всё знаете, – больше утвердительно, чем вопросительно сказал я.

– Мать Лили умерла в научной экспедиции около десяти лет назад. Поэтому я давно стал заботливым отцом и учёным одновременно, а учёные отцы наблюдательны. И я вижу то, чего даже вы с Лили не видите.

– И как вы видите нашу будущую семейную жизнь? – спросил я. Я сам её не мог прочувствовать и представить. Иногда мне казалось, что я сумею подарить Лили семейное счастье, а иногда казалось, что не сумею. Из-за глаз Младенца.

– Сложный вопрос. Лили я хорошо знаю, а вот ты – для меня загадка. И дело даже не в том, что ты кого-то убил или был виновен в смерти, и сейчас совесть не даёт тебе покоя. Ты относишься к редкому типу людей, который в любой момент может выкинуть что-то неординарное – вдохновенное, жертвенное и, по большому счёту, понятное только тебе. И к этому ты можешь идти постепенно или выплеснуться сразу. У тебя другие ценности в жизни, чем у большинства людей. Нет, я скажу даже так, у тебя нет никаких ценностей в жизни.

Я не понял последнюю фразу профессора, упрёк это был или похвала. – Но я знаю, что значит свобода, любовь, честь, – решил поспорить я.

– Не знаешь, потому что запросто пожертвуешь понятной для всех свободой, любовью и честью ради понятной только тебе свободы, любви и чести. Не понимаешь?

Я кивнул головой.

– Что такое человеческие ценности? Общепринятые вещи, понятия, стремление людей к которым развивает и самих людей и общество в целом. Вот я стремлюсь достигнуть научного понимания, как зарождается жизнь на планетах, какие жизненные формы могут существовать и тому подобное. Я изучаю материальный мир, люблю свою дочь, поощряю научные стремления молодёжи. Ты мне нравишься, и я хотел бы, чтобы у тебя и моей дочери была счастливая семья с детишками, – профессор улыбнулся. – Вот мои простые ценности. Правда, ты втянул меня в дело с осмием, которое не входило в мои обычные стремления, но я понимал, что раз так случилось, то я обязан помочь тебе, твоим соратникам, другим людям и сделать всё от меня зависящее так, как подсказывает мне мой разум.

А какие ценности у тебя? Десантная служба на благо общества? Ты в ней разочаровался. Осмий? Тоже случай, который тебя, как и меня, волнует только временно. Любовь к Лилии? Да. Но насколько она глубока? А может, я чего-то ещё не знаю? Подскажи.

– Вы правы, у меня ничего нет, кроме любви Лили и дружбы Тома, – печально сказал я и про себя добавил, – и глаз Младенца.

– А вот неправ теперь ты, у тебя есть что-то ещё. Ты способен, повторюсь, на неординарные поступки. Почему Лили выбрала тебя, а допустим не Тома? Том – замечательный парень, и он надёжен и предсказуем.

Я сначала хотел ответить. – Потому что так захотел Том, – но промолчал.

Тогда профессор продолжил. – Потому что Лили чувствует это что-то в тебе. Она способная. И верит, что эта твоя особенность сделает её счастливой. У тебя нет стремления к общепринятым ценностям, но у тебя есть что-то вроде дара Мировой гармонии. Раскрой его и поверь в себя.

– Вы не первый, кто советует мне раскрыть свои способности, а я и не знаю, в чём они заключаются.

– Тебе нет даже тридцати лет, вся жизнь впереди. Главное верь в себя и в Мировую гармонию.

Мы прилетели к месту хранения осмия и занялись погрузкой. Когда летели назад, то больше молчали или обменивались несущественными фразами. Каждый больше думал о чём-то своём. Профессор, наверное, переживал за предстоящую разлуку с дочерью и нашу дальнейшую жизнь и в душе надеялся, что всё сложится хорошо. А я думал, о том, что для меня начинается новая жизнь. Да, глаза Младенца убили меня, а теперь медленно и мучительно перерождают, превращая в другого человека, с новым мироощущением и миропониманием.

Когда я сказал Лили, что не смогу без неё жить и прошу полететь её со мной, она легко согласилась, не требуя никаких обещаний. Без нашей обоюдной чистой светлой любви я просто пропал бы, а она бы затосковала. И мы это понимали, и это понимал её отец. При прощании профессор был весел и много шутил, говоря, что в этом ледяном климате Европы Лили превратилась бы со временем в снежную королеву, и я, словно сказочный герой, спасаю её из этого ледяного плена. Я не совсем понимал профессора, действительно он был очень рад, что Лили улетает со мной, или это искусная попытка не дать проявиться всё-таки печали, чтобы не омрачить отлёт.

Я как всегда просто не знал того, что знал профессор. Отец Лили был тогда при прощании действительно счастлив. Полёт назад к Марсу прошёл спокойно. Нам с Лили выделили отдельную каюту, где мы много времени проводили вдвоём. Но только в середине полёта благодаря некоторым особенностям в поведении Лили, хотя она их умело скрывала, и благодаря моей внимательности десантника (а может отсутствию глубокой человеческой внимательности), я узнал, что она уже три месяца как беременна. Она сама окончательно утвердилась в этом только перед самым вылетом на Марс. Что же получается? Первым понял, что Лили беременна, её отец. Удивительный человек, всё замечает, обосновывает, принимает и помогает другим принять самые верные решения. Как силен и гармоничен разум у него. Интеллект, чувства, интуиция, духовность – всё на высоком уровне. Он очень любит свою дочь, но понимает, что только разлука с ним может сделать её по-настоящему счастливой.

Теперь нас уже было трое. Нет четверо, я забыл про Тома. Когда мы уже прилетели на Марс, и нашей дальнейшей судьбой занялись ответственные люди, как обещал учёный, Том спросил, что это я какой-то странно грустный и счастливый одновременно. Я сказал, что стал отцом, и поэтому счастлив, а озабочен, потому что теперь отвечаю не только за Лили, но и за ребёнка. Том от всей души поздравил меня. Он был тоже счастлив за меня и... озабочен, озабочен моим будущим и поиском своего места в нашей с Лили семейной жизни.

Когда все проблемы были решены – нам, бывшим десантникам, поменяли, точнее, искусственно исказили биокод, создали новые легенды прошлой жизни, выплатили обещанные деньги и предоставили возможность выбрать будущий путь, наступил момент прощания.

Бортмеханик, благодаря совету и участию профессора, решил продолжить деятельность в научных космических экспедициях. Работа та же, только вместо десантного челнока научный корабль, а вместо патрулирования и военных операций длительные полёты к дальним планетам. Он об этом как раз и мечтал.

Манго-10 решил вложить деньги в хороший бизнес, а пока поразвлечься после продолжительных невзгод.

Я обнял бортмеханика, пожелав успехов в дальних странствиях. Пожал руку Манго-10, пожелав удачных капиталовложений. Том обнял бортмеханика, а к Манго-10 даже не подошёл, они просто обменялись ненавистными взглядами. И мне так сильно захотелось, чтобы они

никогда больше не встречались по жизни и постепенно забыли о существовании друг друга и своей ненависти.

– Том, полетим со мной на Землю? – предложил я ему, когда мы остались вдвоём. – Найдёшь хорошую девушку, я и Лили, если надо будет, всегда поможем тебе. Женишься. Будем вместе вести бизнес, и радоваться жизни. Мы же с тобой друзья, нам нельзя расставаться.

Том посмотрел мне в глаза, словно заглянул в душу. А в душе у меня были глаза Младенца. Нет, он их не увидел, но он почувствовал, что их вижу я.

– Я вполне возможно прилечу на Землю, и вполне возможно мы будем вместе вести бизнес и радоваться жизни, но не сейчас. Давай немного отдохнём друг от друга. Наша дружба от этого, я думаю, не пострадает, а только укрепится. Лексис, у тебя есть Лили и скоро родится ребёнок, поживи для них. Начни новую жизнь, как тебе советовал наш пилот, – Том сделал паузу, и мы оба подумали, что самоотверженным геройским поступком он не просто советовал, а больше завещал. – Забудь прошлое, а я буду иногда выходить на связь, а позже приеду в гости.

Я подумал, что Том, наверное, прав. И дело даже не в том, что он не хотел помешать мне в новой семейной жизни. Он не хотел напоминать своим присутствием о прошлом. Когда приходит любовь, дружба должна немного уступить место. А чтобы началась новая жизнь, надо постараться оставить всё старое в прошлой жизни.

Да, я посчитал тогда, что Том был прав. Я очень сильно любил Лили и своего ребёнка, и мне хотелось жить только новыми стремлениями, чтобы на меня перестали смотреть глаза Младенца. Но потом, через год, я понял, что настоящая дружба ничем не уступает настоящей любви. И в новую жизнь необходимо всегда брать самое чистое и светлое из старой. С пустого места ничего не может начаться. Жаль, что я в тот момент по-настоящему это не осознал.

– Чем же ты хочешь заняться? – грустно спросил я.

– Толком не знаю, но есть советы хороших людей. Вполне возможно я их приму.

– Значит, ты останешься на Марсе? – спросил я, немного догадываясь об этих советах.

– Да, останусь.

– Том, береги себя. Пообещай мне, что мы через некоторое время обязательно встретимся.

– Обещаю, – ответил он.

– Смотри, не нарушь своё обещание, данное другу, – сказал я.

– Конечно, Лексис, – Том улыбнулся, и мы сердечно обнялись.

Мы с Лили вернулись на Землю. В полном смысле слова. Мы решили заняться по совету профессора садоводческим бизнесом, так как далёкие предки Лили по его словам были фермерами. Нам предложили хороший вариант покупки, и мы, не долго раздумывая, его приняли. Выбирала больше Лили, а я с ней просто соглашался, иногда только высказывая некоторые соображения. Мягкий климат, красивый большой дом с хозяйственными постройками, а вокруг прекрасные сады. Недалеко от усадьбы находился небольшой населённый пункт, где можно было нанимать людей на сезонные работы. Лили всё понравилось, как и мне. Земля со всеми насаждениями и постройками, конечно, стоила дорого, но у меня была относительно приличная сумма вознаграждения, а у Лили – вообще большая. Отец все свои накопленные за многие годы деньги перевёл Лили в качестве подарка.

Лили меня удивляла всё больше и больше. Почти десять лет провести на ледяной Европе, редко посещая Марс, свыкнуться с неземными суровыми условиями, сковывающим комбинезоном и шлемом, а потом вернуться на Землю и запросто освоиться в новых условиях. Только сила тяжести Земли некоторое время пыталась бороться с Лили. Но Лили победила, интенсивно заставляя работать своё тело. Она легко и полностью поменяла свои профессиональные обязанности. Прощай ненайденная внеземная жизнь Европы, здравствуй флора Земли. Она часами сидела в Сети, изучая ботанику, генетику выращивания фруктовых деревьев, защиту от насекомых, технологии ухода, сбора урожая и многое другое. Познакомилась с другими

фермерами, находящимися не очень далеко от нашей усадьбы, и часто советовалась с ними. А меня просила больше изучать используемую технику в садоводстве, а также рынок и сезонные особенности продажи фруктов.

Я старался превратиться из десантника в садовода, но не очень получалось. Мне нравилось заботиться о Лили и сыне, который должен был уже скоро появиться на свет. Это волновало меня больше всего. Лили видела моё особое внимание к ней, и говорила, что она чувствует себя замечательно, и не надо мне излишне волноваться. Но и она заботилась обо мне, пытаясь заглянуть в мой мир и понять, затягивается моя рана или ещё сильно болит. Она старалась чаще находиться рядом со мной или занять меня каким-нибудь делом, чтобы отвлечь от воспоминаний. Но глаза Младенца продолжали смотреть на меня. И я в поту просыпался среди ночи, стараясь в последний момент не разбудить Лили, или неожиданно уходил в себя среди белого дня, отключаясь от всего происходящего вокруг.

У меня родился сын – Поль. Славный мальчик, похожий глазами и некоторыми чертами лица на Лили. Но Лили говорила, что рот и нос мой, и характер, похоже, будет, тоже, как у меня. Лили предложила назвать его в честь бабушки, а я – в честь пилота, благодаря которому я не погиб и встретился с ней. Лили не спорила и сразу согласилась со мной. В те дни мы были очень счастливы. Вокруг была только любовь, красота и созидание – что ещё надо человеку?

Сын подрастал, сад процветал. О Лили уже знала вся округа. Она заражала своим счастьем и жизненной энергией всех людей – и нанимаемых рабочих, которым хорошо платили, и соседей, которых очень уважали, и партнёров по бизнесу, которых ценили. Короче, всех, с кем общалась или вела дела. Ко мне тоже относились хорошо, но считали немного странным. Иногда казалось, что те, кто не мог меня ближе узнать, судили обо мне просто – раз я являюсь мужем Лили, значит, наверное, тоже человек неплохой. А меня, в общем, устраивало такое отношение людей.

Меня всё устраивало, если подходить с точки зрения общепринятых человеческих ценностей. Но если во внутреннем мире человека, как сказал отец Лили, нет таких общепринятых ценностей, а есть взгляд Младенца, как быть ему? Я хотел быть счастливым, как Лили и другие многие люди, но эйфория счастья рождения сына постепенно улетучивалась. Я смотрел на закат солнца, и непонятные думы лезли мне в голову. Бывший десантник, защищавший справедливость и мир, но оказавшийся на самом деле убийцей, превратился в хозяйственника, который выращивает вкусные и полезные фрукты для людей. Но можно ли фруктами откупиться от взгляда Младенца, от страхов и несправедливости, которые ещё правят в человеческом обществе? Замкнуться в своём красивом мирке рядом с самыми любимыми людьми и быть счастливым? Я смотрел в глаза Младенца, пытаясь найти ответ, но они снова глубоко смотрели в меня и не давали ответа. Просто смотрели, но внутри души что-то рвалось, точно так же, как в первый раз на том транспорте, когда ребёнок умирал.

Я надеялся, всматриваясь в глаза Поля, забыть глаза Младенца. Но глаза сына были обыкновенными. Умными, весёлыми, плаксивыми, но обыкновенными глазами маленького ребёнка. Взгляд Младенца был сильнее, невозможно сильнее своей пронизательностью, глубиной, жалостью, болью. Не могут обыкновенные люди так смотреть, да и не надо так смотреть обыкновенным людям. Никому так не надо смотреть. Нельзя доводить даже особенного живого существа до состояния, чтобы его глаза так смотрели.

Лили меня чувствовала, и её счастье омрачалось. Она очень сильно надеялась, что рождение сына вылечит меня. Что Поль сумеет сделать меня таким же счастливым, как и она. И вот чего мне больше всего не хотелось, так это расстраивать Лили. Я старался быть счастливым, но как можно обмануть себя, как можно обмануть глаза Младенца? Никак нельзя. Это всё равно, что обмануть Мировую гармонию. Но я пытался, ради Лили. Я принимал активное участие в жизни усадьбы, выезжал в командировки для заключения новых договоров, управлял в саду роботами-комбайнами, вечерами общался с местными жителями. Ради Лили я готов был на

всё. Но она меня чувствовала. И мой во многом искусственный энтузиазм не вдохновлял её. Она знала, что счастлив я только тогда, когда держу в своих объятиях её и сына.

Однажды я случайно услышал, что наша домохозяйка, замечательная добрая женщина, работавшая по дому с самой покупки фермы, посоветовала Лили обратиться к психологу. Она слышала, что хороший психолог может вылечить человека, имелся в виду, конечно, я, от последствий сильных переживаний и потрясений. Но Лили только поблагодарила её. Лили понимала, что если её любовь и рождение сына не смогли помочь, то никто не поможет, разве что только время. А ей надо просто меня горячо любить, верить и надеяться, а не искать хорошего психолога.

И я скучал по Тому. Он связывался со мной. Но нечасто и ненадолго. Мы смотрели друг на друга и всё понимали. Даже слова были не нужны. Том, конечно, говорил, что Лили после рождения сына стала ещё красивей, как смыслён и симпатичен мой мальчик, как прекрасен наш сад и многое другое, но совсем несущественное. А я спрашивал, когда он прилетит к нам? Он смущённо смотрел и отвечал, что попозже, сейчас у него важная работа. Я спрашивал, чем же он занимается, и он снова уклончиво отвечал, что ведёт бизнес и много разъезжает по Марсу, поэтому выходит на связь с разных мест. Тогда я перестал расспрашивать о его жизни и просто просил беречь себя и с любовью смотрел на него. А он смотрел с любовью на меня, и повторял, что он обещал встретиться со мной, и выполнит обещание, но надо подождать.

Том чувствовал, что счастливая семейная жизнь не залечила кровоточащую рану в моей душе. Но он не мог мне помочь, и больше боялся разбередить её ещё больше. А я понимал, что Том примкнул к тем, кого лейтенант называл повстанцами, и что он нечасто выходит на связь и тем более не прилетает к нам по главной причине, чтобы не вызвать подозрений ко мне и не раскрыть своё местопребывание.

Лили видела, что я скучаю по Тому, и хотела помочь, однажды предложив, что может ей поговорить с ним. Но я отказал, сказав, что Том очень занят и, не надо его сейчас беспокоить. Лили всё поняла, она всегда всё правильно и быстро схватывала.

Прошло три с половиной года земной жизни. Я уже перестал быть десантником, но счастливым садоводом, которого окружают любимые люди, красивый мир и приятные заботы, так и не стал. Глаза Младенца продолжали также смотреть на меня. И я понял, что время не способно меня излечить. Пусть я так проживу десять, двадцать лет, взгляд Младенца будет неизменно преследовать меня. Должно что-то произойти, какое-нибудь событие, изменение, встряска, и только тогда есть шанс освободиться от этих глаз и по-настоящему жить, а не существовать с постоянной ноющей раной в душе и часто пронизывающей болью в сердце, когда глаза Младенца снова заглянут в меня. Но какие изменения могут наступить, когда всё так хорошо складывается, и будущее безоблачно и прогнозируемо? Все вокруг счастливы, и Лили и Поль. Они, конечно, готовы принять любые изменения и выдержать любые испытания ради меня. Но что мне нужно? Я сам не знаю, что мне нужно сделать. Бросить всё, полететь к Тому и защищать непонятные мне чьи-то идеалы? Может, стать странником и рассказывать всем о глазах Младенца? Может, пожертвовать своей жизнью ради жизни других? Но где и как? У меня нет страха смерти, и я готов умереть. Я хочу жить, жить для Лили и сына, но если глазам Младенца необходима моя смерть, я готов умереть. Только надо мне помочь понять, где и как. Чтобы у моей жертвенной смерти был смысл.

Боль, сомнение давили на меня. И где бы я не находился, чтобы не делал, я всё время спрашивал себя, а что же дальше? Не может так продолжаться вечно, я не хочу терпеть это вечно. Лили чувствовала мою боль и сомнение, но тоже ничем не могла помочь. Она своим вниманием, заботой и изобретательностью (нежная любовь и ласки, интересные развлечения и путешествия, активное привлечение меня к решению возникших проблем и новых задач) притупляла их, но вылечить не могла. И её глаза печалились от моих страданий и её бессилия.

Но, настал день, и произошли те события, которые я предчувствовал и ждал, которые вырвали меня из привычной обстановки и дали шанс что-то изменить во внутреннем мире.

Я занимался экономическими расчётами, когда неожиданно в комнату зашли три человека. Двое навели на меня лазерные автоматы, а третий быстро подошёл ко мне, резко завёл мои руки за спину и профессионально застегнул наручники.

– Здравствуй, Лексис. – поздоровался один из них, видимо главный, и сел напротив меня. Остальные остались стоять. Один за спиной, другой с боку. – Извини за вторжение в твои частные владения, но у нас к тебе важное и безотлагательное дело. Нам нужен осмий.

Я сделал непонимающее лицо. Я действительно в первый момент не понял о чём идёт речь, но быстро всё вспомнил и сообразил. Главарь никак не прореагировал на мою искусственную реакцию. И я понял, что у него есть план, хороший план, и мне не удастся его сломать, но попытка не пытка.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, – ответил я, акцентировано произнеся слово «ты», чтобы выделить его бесцеремонное обращение и моё нетерпение неуважения. – И вообще, кто вы такие, чтобы так нагло ворваться в мой дом.

Я ещё хотел продолжить о незаконности их действий, но человек перебил меня.

– Меня зовут Антон, – представился он, но я сделал вид, что меня совершенно не волнует, как его зовут, тогда он уточнил, – нам стоит познакомиться поближе, поверь мне. Я знаю, что приблизительно четыре года назад ты со своими друзьями украл осмий. Где он?

– Хорошо, я не буду лгать, действительно всё было так, только было золото, и мы его продали. – Я понял, что кто-то из участников тех событий поделился совместным прошлым, и отрицать было уже бесполезно.

Антон вытащил из кармана пару листов бумаги и развернул передо мной. – Вот информация о транспорте, который ты с другими десантниками ограбил и уничтожил. Здесь ясно написано, что в качестве груза перевозились два ящика по сто килограмм под такими-то номерами с грузом оборудования. А вот это показания одного из повстанцев, где указано, что под оборудованием скрывался осмий. Кроме того, один из твоих бывших дружков-мародёров всё рассказал о той операции. Я был просто поражён твоей дерзости и смекалке. Скажу честно, мне нравятся такие люди.

Я непроизвольно ярко вспомнил те события. Я стал убийцей и мародёром поневоле, выполняя приказ. Потом, когда я увидел глаза Младенца, я уже всё делал разумно, желая оправдать свои поступки. А что в результате? В результате я в глазах какого-то порочного человека стал героем. Как примитивны и субъективны мирские суждения. Я совершенно не похож на него по мировоззрению, но он считает меня похожим. Что же придётся показать, кто есть кто. Я чувствовал, что судьба неумолимо свяжет на некоторое время меня с Антоном. И я готов к такому повороту событий. Давно готов. Но я останусь самим собой, и меня не сломать ни Антону, ни кому-нибудь другому.

– Подделка, в ящиках было золото, – попытался всё же я ещё поиграть.

– Я не буду с тобой спорить, Лексис. У меня нет времени на споры. Пусть будет золото. Только посмотри в окно. – Один из подручных подвёл меня к окну. – Если ты хорошо видишь, то заметишь точку от лазерного прицела на твоём сыне. Твоя жена сейчас в саду, но снова поверь мне, она также находится под прицелом. И стоит мне произнести одно слово, и они умрут. Если ты ещё раз скажешь, что было золото, и что вы всё продали, то я произнесу это слово. Я потом мы исчезнем, а ты останешься. В одиночестве, но со своим осмием. И ещё, если даже того, злополучного для тебя осмия нет, то тебе надо его придумать, точнее, придумать, как его раздобыть. Ты понял меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.